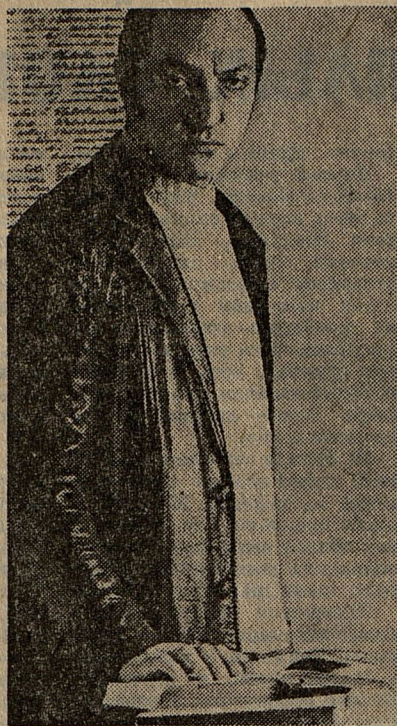

«Какие же у нас в России чудесные зрители!»

**Актеру
Михаилу
Козакову
живется
в Израиле
совсем неплохо.
И все бы
ничего —
да проснулась
ностальгия...**

На третьем курсе МВТУ имени Баумана крепко сдружился я с ребятами из Школы-студии МХАТ. Что ни говорите, а студенческие годы замечательны, и след их тянется через всю жизнь. Олег Ефремов, Галя Волчек, Игорь Кваша, Олег Табаков, Жень Евстигнеев, Олег Анофриев, Миша Козаков — все они стали знаменитыми, а ведь мы в физкультурном зале в Камергерском переулке тряпичным мячом (он почему-то назывался «пфуй») в футбол играли... Побывать в Тель-Авиве и не увидеть Козакова я не мог.

Козаков уехал в Израиль уже более трех лет назад вместе с давним нашим общим другом великолепным актером Валентином Никулиным. Мне рассказывали, что была у них потаенная задумка: создать в Израиле русскоязычный театр, ведь почти полмиллиона израильтян знают русский язык. Все оказалось сложнее. Я не стал спрашивать о хитросплетениях местной театральной жизни, потому что понимал, что не разберусь в них, напишу и кого-то ненароком обижу. Спросил просто:

— Миша, что ты тут делаешь?

— Я работаю в Тель-Авиве в Камерном театре на договоре. Играл в пьесе Горольда Пинтера «Любовник». Небольшую роль в «Ричарде III». Тригорина в «Чайке»...

— Тригорина на иврите?

— Да. Я сразу понял, что без языка мне не жить, и занимался неистово. Правда, я преподавал в местном театральном институте — это что-то вроде нашей студии МХАТ, — не зная языка. Ничего, получалось, но освоить язык было совершенно необходимо. Ведь моя работа — работа с языком прежде всего. Иврит — язык трудный. Не потому, что читаешь справа налево, а в корне другой язык. У меня, наверное, нет таланта к языкам, но у меня есть талант к произношению чужих звуков. Конечно, я не знаю иврит в совершенстве и не уверен, что буду знать. Но то, что я говорю, я говорю очень чисто, без славянского акцента. Многие не верят, что я не знаю иврит с детства. Но что значит знать язык хорошо? Это значит думать на нем. А думаю я на иврите только на сцене. Сначала мне это не давалось, я говорил, как бы переводя все время с русского, и был зажат страхом этого самостоятельного перевода. Ведь можно перевести формально: по словарю вроде бы точно — а смысл другой. Теперь я научился думать на сцене на иврите, и все получается.

— Миша, а зачем ты уехал? Ты был знаменитым артистом, снимался в кино, работал на телевидении. Когда ты шел по улицам, люди оглядывались, как говорил Илья Ильф: «Девушки в саду шептали твоё имя». Я не знаю другого молодого актера (разве что Вася Лановой),

чей творческий взлет был столь стремителен. На третьем курсе Школы-студии ты уже вышел на сцену МХАТ. На четвертом сам Михаил Ромм пригласил тебя на главную роль в фильме «Убийство на улице Данте». Фильмов выпускали мало, а актеров была тьма. Ты был студентом, когда Николай Охлопков дал тебе роль Гамлета. Актеры всю жизнь мечтают о Гамлете, и часто жизни не хватает. И пошло, и пошло... Из всех своих сверстников ты стал знаменитым раньше других. Ты не разбежался по посадочной полосе и даже не делал крутую горку. Ты ушел в зенит, как ракета... Миша, зачем ты уехал? Никто из наших друзей не мог мне это объяснить...

— И я не могу. Это очень трудно. Перестройка, новая жизнь застала меня врасплох. Я понимал: все изменилось, работать надо по-другому. А как по-другому? Я не знал. Последние годы в России много работал на телевидении. Делал передачи по Фридриху Дюрренматту, по Артуру Миллеру, но чувствовал, что сейчас телевидению это не нужно. А вестерны, вообще коммерческое кино, я не снимал. Не потому, что не хотел, а потому, что не умел. Не мое это дело. Создалась какая-то туфиковая ситуация, появилось чувство безысходности, ненужности. Я нашел спонсора, он дал мне миллион (это тогда!) рублей, и я снял «Тень» Евгения Шварца. Получил 15 тысяч. Вставил зубы. Что дальше? Раньше я знал точно: 250 рублей в театре, еще 250 в среднем — кино, ТВ, концерты. А теперь я ничего не мог знать точно, как оно будет завтра, послезавтра... Родился Мишка. Коробка памперсов стоила 25 долларов. Где их взять? Антисемитизм? Да, конечно. Но не столько по отношению ко мне, тут я больше о Мишке думал... Все это создавало ощущение какого-то развала... И еще — само понятие «заграница». Мне хотелось пожить за границей. Чтобы ездить из России, надо было стать своим в некоем стае «выездных». А я не хотел быть в этой «стае». Моя «стая» — «Современник». За эти три года я излечился от комплекса «заграницы». Понял, что я не умею пользоваться радостями западной цивилизации. Я мог бы научиться, но ими хорошо пользоваться, когда ты абсолютно уверен в будущем, когда в главном, в работе, все у тебя хорошо. Поэтому, когда ты спрашиваешь, зачем я уехал, я не нахожу однозначного ответа. Скажу больше: я не знаю, правильно ли я сделал... Нет, пойми, никакого краха нет. Есть нескончаемая борьба с обстоятельствами, мешающими жить как хочешь.

— Идея русскоязычного театра не осуществится?

— Не знаю. Два года назад Ицхак Рабин обещал создать фонд для поддержки русскоязычного населения. Но

вот два года прошло, а фонда нет. Без помощи извне ни один театр в мире, мне кажется, существовать не может... Мы с Никулиным сделали спектакль по пьесе Пауля Бартца «Возможная встреча». Во МХАТе он шел. Олег Ефремов играл Генделя, а покойный Иннокентий Смоктуновский — Баха. У нас я — Гендель, а Никулин — Бах. (По отзывам знатоков, это замечательный спектакль. Сам не видел. — Я. Г.). Потом поставили пьесу «Чествование» Бернарда Бернштейна. Там заняты семь актеров. В Тель-Авиве много русскоязычных, но играть тут один и тот же спектакль месяц подряд нельзя: прогоришь. Спонсоров у нас нет. Мы ездим по городам — тут все рядом, страна маленькая, — снимаем залы и играем. Если сыграешь 30 спектаклей, приходишь в «нуль»: расходы на декорации, костюмы, аренду помещения становятся равны полученным доходам. Жить на это нельзя, хотя с «Чествованием» мы, кажется, попали в точку, спектакль принимался очень хорошо. Планирую привезти эти два спектакля в Петербург и в Москву. Гастролировали в США. Снялся в России в двух фильмах: «Красная Жизель» и «Цветной завиток», сделал передачу об Иерусалиме для российского телевидения. Понимаешь, я не хочу на что-то, на кого-то жаловаться. Я благодарен Израилю за все, что он сделал для меня. Но мне не хватает Израйля...

— А чего тебе больше всего не хватает?

— Московского театрального воздуха, московских зрителей в зале. Существовало Театральное общество, но было еще театральное сообщество. Вот я что-то сделал, поставил, сыграл. Но одновременно мне было интересно, что делает Эфрос, что нового на Таганке, я ощущал себя соавтором некоего общего театрального процесса. Здесь этого нет, нет сообщества. И во все не потому, что меня в него не допускают. Совсем нет! Просто я сам не ощущаю себя в местном сообществе, я где-то рядом с ним. Мои русскоязычные спектакли не являются частью общего театрального процесса. Мне трудно потому, что я хочу, чтобы их оценили. Хорошо, плохо — это не важно. Важно получить ориентиры. А я мысленно ориентируюсь на далекую Москву, ее глазами смотрю на мои спектакли, устами ее критиков оцениваю себя. И зритель, конечно! Когда я был в Москве, я пошел посмотреть спектакль Сергея Юрского «Стулья». Я радовался за Сергея, за его замечательную работу, но не меньше, чем сцена, меня радовал зал. Какие же у нас в России чудесные зрители!

— Ты не вернешься обратно в Россию?

— Не знаю. Правильно говорил Гераклит: «Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку». Я уже немолод и нужен ли я той «реке»? Я не человек мира. Я люблю жить и работать в каком-то определенном месте, и мне нелегко менять его. Таким местом была Россия, теперь отчасти им стал Израиль. Иногда хочется уехать, поработать ну хоть полгода. И тут же думаешь: а как же Мишка? Буду скучать. И он будет. Сложно все...

В прошлом году Михаил Козаков выпустил в Тель-Авиве большую книгу воспоминаний «Рисунки на песке». В том же году известный критик Станислав Рассадин выпустил книгу о Михаиле Козакове «История актера моего поколения». Случайно или нет — не знаю, но на последней странице этих книг приведена одна и та же цитата из Александра Блока. Очень точные слова. Я тоже хочу закончить ими свой рассказ: «Все, что человек хочет, непременно сбудется, а если не сбудется, то и желания не было. А если сбудется не то, разочарование только кажущееся, сбылось именно то!».

Ярослав ГОЛОВАНОВ.